
Глава 6

ГЛАВНЫЕ ВЫЗОВЫ ДЕТЯМ	272
Деградация или прогресс?.....	272
Свой почерк	279
Тупик для фантазии.....	281
Откровенность и «откровенность».....	285
Эпоха сверхпотребления	288

Глава 7

ДЛЯ ЧЕГО МЫ ГОСПОДУ? (вместо послесловия)	290
--	-----

Литературно-художественное издание

Бронштейн Виктор Владимирович

**ЛАБИРИНТЫ СУДЬБЫ:
между душой и бизнесом**

Корректор *И.В. Алферова*
Художественное оформление обложки,
верстка *М.Г. Хабибуллов*

ООО «Издательство «Вече»

Адрес фактического местонахождения:
127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус 1.
Тел.: (499) 940-48-70 (факс: доп. 2213), (499) 940-48-71.

Почтовый адрес:
129337, г. Москва, а/я 63.

Юридический адрес:
129110, г. Москва, ул. Гиляровского, дом 47, строение 5.

E-mail: veche@veche.ru
<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 20.10.2015. Формат 84×108^{1/32}.
Гарнитура «NewtonС». Печать офсетная. Бумага офсетная.
Печ. л. 9,5. Тираж ?000 экз. Заказ .

Детство, хоть и тянулось бесконечно долго, увы, с позиции сегодняшнего дня, пролетело мгновенно, как и на первый взгляд бестолковая, но порой весьма напряженная юность, а студенческо-заводская молодость уперлась в зрелость 90-х годов.

Родина «юного» капиталиста

Начало 90-х годов прошлого столетия я встретил, имея немалый опыт работы на промышленном предприятии, обсужденную докторскую диссертацию по экономической социологии и две книги, вышедшие в центральном издательстве с тиражом, который вряд ли был у кого-то из нынешних иркутских профессоров. Но в стране в это время был дан старт становлению дикого капитализма, отрежиссированного кем-то до полной потери здравого смысла и жалости если не к народу, то хотя бы к трудовым ресурсам. Несмотря на понимание беспредела, творимого в стране, я все же принял решение выйти на весьма тернистую дорогу российского бизнеса, по которой сновали бесчисленные бандитские группировки. О том времени емко и точно сказано в стихотворении Юрия Кузнецова «Тамбовский волк»:

России нет. Тот спился, тот убит,
Тот молится и дьяволу, и Богу.
Юродивый на паперти вопит:
— Тамбовский волк выходит на дорогу!

Нет! Я не спился, дух мой не убит,
И молится он истинному Богу.
А между тем свеча в руке вопит:
— Тамбовский волк выходит на дорогу!

Молитесь все, особенно враги,
Молитесь все, но истинному Богу!
Померкло солнце, не видать ни зги...
Тамбовский волк выходит на дорогу.

В городе было известно честное имя моего отца — бесменного в течение почти тридцати лет директора мясокомбината. Знали и меня как кандидата экономических наук и автора статей в местной прессе. Под этот багаж авторитета и гарантию моего приятеля — директора одного государственного предприятия — мне дали весьма внушительный кредит, оформленный в виде карманной книжки банка. Только после получения кредита, в реальности которого, будучи пессимистом-реалистом, я сомневался до последнего дня, пришлось всерьез задуматься: «А что дальше?»

Один из новых знакомых Григорий предложил рвануть на Камчатку — привезти самолет красной рыбы. Мол, у него в Петропавловске нужные люди и полная гарантия того, что товар есть — плати и забирай. Сбыт рыбы тоже казался делом несложным, психология тотального дефицита была жива, основная задача — привезти товар.

Нашим компаньоном стал знакомый директора предприятия, где я продолжал работать, Юрий. Мы и с ним-то были знакомы шапочно, а с его другом Гришей и того меньше. Но выбора не было. В море новых, ранее теневых, отношений я был полный новичок. Григорий же еще при социализме имел прочные связи с рынком, правда, вещевым, презрительно именуемым в ту пору барахолкой. При социализме его коллег по неформальному бизнесу обидно именовали спекулянтами и нередко душили уголовными делами. Но, несмотря на риск, его коммерческие связи еще до перестройки упрочились и приобрели географический размах от Москвы до Камчатки.

В ту пору он не раз со сверхмодным и ходовым товаром, например с американскими джинсами, бороздил воздушный океан в качестве стюарда.

Но грянула перестройка, Гриша и его друзья-поделщики и по джинсам, и по нелегальным видеосалонам в одночасье превратились из цеховиков-теневиков в готовых предпринимателей с завидным стажем и связями. Однако не для всех канувшая эпоха была безобидной – приятель Гриши по уголовному делу успел отсидеть год или два, обзавелся широкими связями, проявил недюжинные способности, железную волю и вскоре получил почетное в их среде звание «вор в законе». Это звание, плюс ранний предпринимательский опыт, плюс победы в математических олимпиадах, свидетельствующие о незаурядности, позволили занять ему высокое в российских масштабах место в преступном мире, а позже и в бизнесе. По слухам, сегодня закрепилось за ним еще более почетное в перевернутой с ног на голову России место недавно убитого «старосты» преступного мира – деда Хасана. Гриша иногда любит вспоминать совместные с возвысившимся другом деяния, как любят многие чиновники вспоминать о прежней дружбе с вышедшими из Иркутска знаменитыми руководителями правительственных корпораций и Генеральной прокуратуры.

Не надрывался на социалистических предприятиях и Юра. Ему после политехнического института удалось то ли купить, то ли по дружбе занять дефицитнейшее место директора штучных в ту пору автозаправочных станций. Работа с потоком наличных денег, вечными очередями и разведенным или расширяющимся при нагревании топливом приносила не только зарплату, но и немалый доход. Во всяком случае, якобы выигранная в лотерею дефицитнейшая при социализме «Волга», а позже и, пожалуй, первый «Крузер» в Иркутске были у недавнего студента политехнического института.

Собственные деньги, с риском заработанные при социализме, давали вчерашним цеховикам немалые преимущества, когда бандитской стрельбой был дан старт капитализму и возможностям легального обогащения, в том числе через пародийные биржи, брокерские конторы и скороспелые банки.

Не без помощи заокеанских «специалистов» были срежиссированы какие-то жуткие правила экономической вакханалии. Инфляция – порой до 50 % в месяц, а допустимая наценка на продукцию для законопослушных и «зазевавшихся» на старте госпредприятий была не более 25 %. Правила продажи через брокеров на бирже не ограничивали наценку хоть до 1000 %. В результате предприятия не успели оглянуться, как остались без оборотных средств, а вчерашние школьники и спекулянты около пародийных бирж набили карманы.

Руководители социалистических предприятий, и собственно я сам, на какое-то время впали в ступор от иррациональности происходящего. Мы просто не могли участвовать в этом биржевом шоу. Казалось, что вот-вот горбачевско-рыжковское правительство очухается и прекратит эту фантазмагорию, пересадив в тюрьмы всех разрушителей.

Но увы. Вместо этого вскоре напечатали миллионы или миллиарды ваучеров, своры «бойцов капиталистического фронта» бросились скупать их, где за бутылки, где за копейки, и поставлять дельцам уровнем выше, которые приобретали на них, как и было задумано, государственную собственность, созданную многими поколениями враз обманутых советских людей.

В горбачевско-рыжковское и в ельцинско-гайдаровское время перестали оплачивать предприятиям, в том числе родным оборонным: Иркутскому радиозаводу им. 50-летия СССР и свирскому «Востсибэлементу», – даже выполненные государственные заказы оборонной техники. Предприятия оставались

нии и в Германии, мне с этим катастрофически не везло, и моим денежкам несколько раз была уготована судьба золотых монет незабвенного Буратино, сеющего их под руководством лисы Алисы и кота Базилио на волшебном поле чудес.

Соблазнительно сиял и вместе с тем серьёзно настораживал нас высоченный процент на валютные вклады в компанию Егора. Первое, что приходило на ум — это присказка о бесплатном сыре, который, как известно, в мышеловке. Ведь в Америке банковские кредиты почти бесплатные. Проведи аудит и смело кредитуйся, тем более что их активы превышают, по словам Егора, девятьсот миллионов долларов, а займов набрано меньше чем на десять. Но аудит пока не может дать позитивное заключение. Фирма-заёмщик находится ещё в предэксплуатационной стадии. Основное её богатство — опτικο-волоконные кабели, закопанные где-то в ЮАР. В случае если запуск связи не случится, то ценность этих «ископаемых» в африканских землях, наверное, не велика. Для кредитования нужно особое доверие к специалистам фирмы или к директору-хозяину, которые полны решимости довести дело до победного конца и уверены в победе. Но оценка этой составляющей партнёров ближе к психологии, чем к банковскому делу и аудиту. Кстати, хозяин, по словам Егора, с удовольствием приглашает в гости к себе в Техас каждого кредитора, благо их всего человек пять, при этом он детально рассказывает о ходе продвижения проекта. Егор хоть и уверен в благоприятном исходе дела, но всё же не рекомендует вкладывать более 15—20 % имеющихся средств. Мало ли какой форс-мажор может возникнуть. Даже и в один банк, каким бы надёжным он ни казался, а тем более в одной валюте, класть все средства неправильно. Так что совет Егора скорее из этой области безопасности, а не из-за неверия в свою фирму.

Не разбираясь в тонкостях организации связи и не имея данных аудита, предстояло ответить всего лишь на один во-

прос: можно ли полностью доверять рекомендации Романа и рассматривать Егора как высокопорядочного партнёра. Роман, в отличие от Егора, к лучшим студентам не относился. После окончания института он работал в иностранной сахарной компании в Москве, и судьба сводила нас ещё в ту далёкую пору настолько близко, что он даже как-то ужинал у меня дома и помнит малютками моих ныне взрослых детей. Запомнилась ему и моя шутка. Когда его шеф, хозяин французской сахарной фирмы, спросил, за что мой прадед по материнской линии угодил на каторгу в Сибирь, где и остался, я ответил: «Да, кажется, не рассчитался за какие-то европейские поставки». Нужно было видеть напуганное лицо опешившего на мгновение француза, давшего нам под честное слово на полмиллиона долларов сахар без предоплаты.

Вскоре Роман сменил бизнес-структуры на более доходные административно-чиновничьи, меняя кресла в Иркутске и в столицах. Одно время был даже решён вопрос о его депутатстве в Законодательном собрании от одной из проходных партий. Успел он вложить в избирательную кампанию и весьма крупную сумму личных средств. Но в наше время «политики» высокого ранга, как, собственно, и прочее население, не дружат с понятием чести. В последний перед выборами момент, когда ставки были сделаны, его столичные однопартийцы поменяли правила политического «казино» и разложили другой пасьянс выборных депутатских кресел. Возместить потраченный обманутым «игроком» миллион долларов никто, как водится, не подумал. Впрочем, такими историями в наше время никого не удивишь. Жаловаться некому. Договора в таких случаях не составляются, квитанции не выдаются, и на грабёж никто не жалуется. Земля, как говорится, круглая. Высокие чиновники могут ещё и сгодиться. Ведь через пять лет вновь выборная рулетка.

На семейном фронте у Романа в настоящее время также разлука. Бывшая жена и дети живут отдельно. Некоторая чехарда с работой, неудача на выборах и семейная неустроенность работают, конечно, не на плюс репутации, а значит, надёжность его рекомендации также вызывает вопросы. Но есть, к счастью, и другие стороны медали в его образе жизни.

Бывая в Иркутске, Роман каждый день немало времени проводит с любимыми и, судя по всему, любящими детьми. Благодаря его заботе материально они также ни в чём не нуждаются. Много средств и души вложил он в восстановление настоящего произведения искусства — своей усадьбы в стиле времён декабристов, в коей и живёт, когда гостит в городе. Немаловажно, что усадьба фасадом выходит прямо на городскую улицу и не имеет какой-то суперохраны, кроме обычной сигнализации. Люди, заточенные на явное или скрытое мошенничество и всевозможные подлые хитрости, никогда не делают таких откровенных и уязвимых вложений средств. У них, как правило, всё за высокими заборами, да ещё и сами заборы скрыты от посторонних глаз. Это обстоятельство весомо свидетельствует об отсутствии каких-либо подлых помыслов — а значит, его рекомендации можно верить. От ошибки, конечно, никто не застрахован, но продуманной схемы заведомого обмана наверняка нет.

В отличие от него жуликоватые московские так называемые политехнологи, организаторы выборных кампаний, подчас прописаны в таких маскировочных местах, где отродясь не были и где никакой недвижимости на них нет и не было. Многие для сбережения добра к тому же разведены с жёнами, подчас формально.

На позитивную характеристику Егора, прежде всего, работает его бесспорная деловая успешность, семейная устроенность: прекрасная жена и трое маленьких детей, — а также врождённая интеллигентность, которую видно невооружённым глазом.

В институте он был не просто отличником, а ещё и достаточно креативным студентом с эвристическим мышлением. Именно второе обстоятельство позволило ему взять, как говорится, крутой карьерный старт. Вскоре после окончания вуза он стал заместителем управляющего достаточно крупного банка, а затем младшим партнёром (не сотрудником!) в американской консалтинговой компании в Москве. Ну и наконец, востребованность в главном городе Европы, в самом Лондоне, также говорит о многом.

Врождённая интеллигентность и порядочность в наше время встречаются ещё реже, чем карьерные взлёты. Ленинско-октябрьская революция и сталинский беспредел хорошо поработали над уничтожением «родной сестры» потомственного аристократизма — подлинной интеллигентности.

Прогнали иродов-царей,
Разбили царских людоедов,
А после — к стенке, поскорей,
Тянули собственных полпредов.
А после — хлопцы-косари
С таким усердьем размахнулись,
Что все кровавые цари
В своих гробах перевернулись.

Николай Тряпкин

Даже в образах известных актёров отыскать в наше время черты истинной интеллигентности очень непросто. Кроме Олега Басилашвили да, пожалуй, Игоря Скляра никто, во всяком случае с ходу, не идёт на ум. Даже такие богатыри духа, как Никита Михалков, Андрей Кончаловский, Олег Табаков, Олег Меньшиков (разве что Фандорин в его исполнении весьма интеллигентен), немного из другого замеса.

Может быть, в Егоре отразился один очень характерный дворянский элемент образа жизни и раннего воспитания детей восемнадцатого и начала девятнадцатого века. Общаясь с Егором, я был поражён, когда он, прервав разговор со мной, извинился, отвлёкшись на звонок отца, и вдруг, совершенно неожиданно для меня, бегло заговорил... по-французски. Увидев недоумение в моих глазах, он пояснил, что у его отца — вузовского преподавателя французского языка, не раз работавшего за границей во франкоговорящих странах, есть, по обывательским понятиям, один маленький пунктик. С самого рождения сына и по настоящее время, вот уже 42 года, отец разговаривает с ним только на французском, благодаря чему для Егора он стал вторым родным языком.

Когда Егор познакомил меня со своим отцом, носителем не только французского языка, но и весьма характерной еврейской внешности и манер, было заметно, что с ним, как, впрочем, и со всеми нами — потомками по преимуществу победивших красных — в детстве на «французских языках» не говорили, оставив этот «пережиток прошлого» уничтоженным белым.

Лежала степь, и крест стоял над степью,
и ветер в перекладинах гудел.
Мы шли на красных сомкнутою цепью,
но предreshён был доблести удел.

И предпочла бесстрастная победа
армейской чести Каинову кость,
когда под пентаграммой Бафомета
кишела зависть и кипела кровь.

Из рода в род плебейская свобода
всё отвратительней... Но, заводя уют,

здесь внуки взбунтовавшегося сброда
о нас романсы пишут и поют.

Златя кресты, лобзая образа,
вы нас при всех потугах — не поймёте.
... Так дребезжи на каждой верхней ноте
стеклянная, актёрская слеза.

5 июня 1997 г. Геннадий Гайда

Я не уверен, что повторение подобного уникального опыта даст точно такой же результат и в других семьях, но пробовать стоит. Сам Господь, вновь услышав у российской люльки хороший французский, наверное, сильно удивился и обрадовался воскрешению боголюбивого XVIII века хотя бы в одной советско-еврейской семье и поцеловал Егора в лоб как первого вестника возрождения благостно-патриархальных аристократических традиций.

И сам факт, что Егор с явным удовольствием познакомил нас с отцом, не скрывая обычный двухэтажный деревянный дом в центре Иркутска, также свидетельствует о его открытости, присущей людям, ни в коем случае не заточенным на обман.

О человеческой надёжности Егора свидетельствует и его преданность одной любви с институтских времён и по настоящее время, и глубокая любовь к своим трём деткам, которым выпало нечастое в наше время везение расти в атмосфере взаимной родительской любви.

Всё вышесказанное не оставляет никаких сомнений в порядочности и честности моего нового приятеля, а следовательно, в отличие от предшествующих горе-партнёров по Испании и Германии, у него просто не может быть злого умысла относительно вклада наших денег в представляемую им американскую фирму, как и в любых других совместных делах. Значит, можно смело

взаимодействовать с ним по интересной для меня и моих иркутских друзей-приятелей лондонской теме.

От слов к делу

Поездку в Лондон мы совместили с моим днём рождения, который каждый год гонит меня в дальние пути-дороги. Повидимому, где-то в подсознании у меня гнездится мысль, что чем дальше убегаешь от дома и места, где родился, чем тише празднуешь, тем труднее ангелам, отвечающим за быстрое течение времени, отыскать беглеца и поставить отметины в виде новых лет, а также морщинок и седины.

* * *

Поэт вне возраста живёт.
Он, как размашистый кустарник,
Приствольных не ведёт кругов,
Где нудный счёт былых годов.
О нём всё знает ветер-странник.

Он нежит мыслей лепестки,
Что на рассвете появились.
А рядом мудрости ростки
Полны надежды и тоски —
В них дни и годы схоронились.

По ветру пущенной листвой
Удел кустарника метаться.
Так и поэт летит мечтой
То в небе, то над мостовой,
Чтоб до снегов к любви прорваться.

6 июня 2010 г.

Правда, в этом году в день моего рождения музыка всё же звучала, причём не потихоньку, а на весь Лондон, но, к счастью, не для одного меня и вовсе не в ресторане.

Нагулявшись по главному парку Лондона и непременно сходяв в сокровищницу картин, в обед с женой и дочерью в тихом русском ресторане «Новиков» подняли мы по бокалу сухого вина. Подарки при этом получили мои дорогие гости. Но и они не остались в долгу. Вручили мне три билета на Санкт-Петербургский филармонический оркестр, превзошедший все ожидания. Он как будто специально был послан на мой день рождения в Лондон. Подсознательно я, наверно, с самого детства ждал именно такого подарка. Будучи очень мнительным ребёнком, я часто тревожился перед сном и выплакивал родителям одну и ту же жалобу — что мне очень тоскливо. Увы, после ранней смерти бабушки, родителям, умотанным на работе в послевоенные 50-е годы, и очень боевой и трудолюбивой бабушке, к сожалению, с большевистской закваской, было не до сказок, и очень часто от мамы звучала одна и та же загадочная и непонятная отговорка: «Сейчас мы вызовем для тебя симфонический оркестр». И вот в день рождения, через год после ухода любимой 90-летней мамочки в иные миры, долгожданная отговорка детской поры наконец-то выполнена, как знать, может быть, и не без мамино участия.

Музыка дня рождения звучала совершенно потрясающе, унося меня в детство и в юность, воскрешая и маму, и всех родных, одолевая не только время, но бесконечные и байкальские, и средиземноморские, и карпатские просторы, где жили когда-то мои предки. Вихрям бессмертной музыки, подхватившей мою душу, легко покорялись не только бескрайние земные просторы, но и мерцающие наподобие свечей звёзды с опоясывающим небосвод Млечным Путём. Всем своим существом я ощу-

шал их феерический негасимый пламень. Он был так же реален, как и жаркие пионерские костры возвращённого ураганом симфонии детства. В потоках всеильной музыки душа воспарила, по-видимому, так высоко, что стала разом видна вся моя жизнь, быстро летящая во вселенском просторе, оживляемом сиянием бесчисленных созвездий, прочно вплетённых в наши судьбы знаками зодиака. Где-то далеко внизу, как звёзды, во множестве сияли купола православных церквей, и в мозгу всплывали заветные картины, ещё не так давно выплескивающиеся в стихотворения.

...Порой я будто бы лечу,
Прорвав туман над куполами,
И православным всем кричу:
«Нам чудо, братья, по плечу —
Мы возродили храмы с вами!»...

Закрыв глаза, и по всему телу действительно разлилось блаженное ощущение полёта, которое до этой поры приходило ко мне только в самых незабываемых снах, лицом я как будто ощущал ласкающий ветерок.

Больше всего на свете в этот момент я желал продолжения симфонии и полёта.

...И нет с тех пор чудесней снов:
Я в небесах давно, как птица!
Отбросив груз земных оков,
Купаюсь в пене облаков,
Мне сёстры — звёзды и зарница.

Леса и горы — братья мне,
А ветерок как песнь любимой;

В его ласкающей волне
Плыву в лазурной вышине
Над красотой необозримой!

5 октября 2009 г.

Пролетая над всей своей жизнью, я, как наяву, видел прадеда, умершего полвека назад, который, когда мне было года три, подарил скрипку, и деда, растапливающего с присказками печку ранним морозным утром под звуки неперемного гимна, всегда ровно в шесть утра рвущегося из старого динамика, видел и весёлую молодую мать, пустившуюся в пляс, и выскочившего в круг отца. Недалеко от них с серьёзными лицами стояли внуки и правнуки, которым не довелось встретиться ни с кем из родственников старше меня.

В этой картине поколений, воскрешаемой потоками музыки, со своими книжками стихов и прозы я ощущал себя как бы связным времён.

* * *

В молитве я предков своих вспоминал,
Желая им светлого рая,
И парус-мираж на меня наплывал,
И чаек тревожилась стая.

Как пастырь суровый, Байкал мне внимал,
Спокойный от края до края.
И лодку из прошлых времён посылал,
Связному времён доверяя.

8 августа 2012 г., Ольхон

Но музыка закончилась, полёт оборвался, душа с небес возвратилась в какое-то потаённое место моего «я». Возвратились